

Отец остался молодым

Этот день 9 Мая 1945 года сестры Валентина Семёновна Булатова и Раиса Семёновна Полынцева без слёз не вспоминают. Он вошёл в их жизнь как долгожданный День Победы. И в то же время он стал датой великой скорби и горя, потому что именно тогда, в День Победы, в день своего рождения, их мать, Анна Григорьевна Пичугина, узнала, что стала вдовой.

Мы сидим за столом в уютной квартире и рассматриваем старые пожелтевшие от времени фотографии, с которых смотрят на нас через шесть десятков лет те, кто живы только в памяти, и те, кому предстояло пройти по жизни все эти годы. Воспоминания следуют одно за другим.

Дед Раисы и Валентины, Максим Игнатьевич Пичугин, 1918 года рождения. С женой и четырьмя сыновьями он отбывал ссылку в Парабельском районе как зажиточный кулак.

Прибывших расселили на 9-ом участке, названном позднее пос. Щука. Вместе с другими такими же крестьянами он находился под комендатурой, отвоёвывал у тайги землю, на которой позднее выращивали зерновые, лён, горох, картофель. В первую очередь строили дворы для общественного скота, школу, контору. Жили в основном в землянках.

Время летело незаметно. Дети подрастали. Вот и Семён, будущий отец Раисы и Валентины, окончил начальную школу, пошёл работать. Крестьянские дети выросли рано. К 17-ти годам это уже были самостоятельные люди. Семён женился на скромной и тихой Аннушке. Она во всём помогала своему избраннику, поддерживала его. Семён работал в рыбоартели, Анна - в лесу на смолокурном заводе.

Жизнь как будто бы налаживалась, но с началом войны всё переменялось.

- Мне было два с половиной годика, Валентине шесть месяцев, когда в 1942 году взяли на фронт нашего 23-летнего отца, - вспоминает со слезами на глазах Раиса Семёновна. - Я смутно, но помню, как плакала мама, как прижимал меня к себе отец, как ревела я сама от ощущения непонятого мне страха.

Остальные события мы восстанавливаем из того, что рассказывала детям Анна Григорьевна, их мама.

В тот день поселянам объявили сбор около конторы. Новую партию призывников, собранных в дальнюю дорогу, построили. Переключка, напутственные слова. Все, от мала до велика, пошли провожать за село своих мужей, отцов, детей и братьев.

Было лето. Начали колоситься хлеба. Односельчане прощались со своими кормильцами на дальнем кульстане. Обнимались, говорили последние слова. Женщины голосили, ребятишки прижимались к родителям. Мужики выглядели тоже невесело. Обоз медленно стал удаляться по пыльной дороге в сторону Парабели...

Военное детство девчонки Пичугины прожили в землянке, как и большинство щукинцев.

- Это была большая комната, встроенная в землю, - вспоминает Раиса Семёновна. - Входили в неё сбоку. Землянку сверху покрывал дёрн. Помещение разделялось перегородкой для спальни. Посередине стояла большая русская печь. В ней выпекали хлеб, томили паренки - свеклу, морковь. На печи мы отогревались в зимнюю стужу. Осенью она становилась сушилкой для семян акации, гороха.

На большом столе, который как и пол мы к праздникам скоблили добела с песком и голичком, стояла одна алюминиевая чашка. К обеду из чугунка в неё высыпали рассыпчатую картошку или наливали похлёбку.

Еды не хватало. Я была особенно вредная, так как хотела постоянно есть и устраивала истерики. Бабушка по линии мамы жила с нами. Она-то и приглядывала за нами, приучала к труду. Встанет, бывало, ночью, когда я устраивала рёв, намешает мне картошки с водой, чтобы поела. А она мне уже в горло не лезет. Но дать было больше нечего.

В посёлке ни часов, ни радио не было. Время определяли по солнцу. С рассветом мать что-то готовила нам, управлялась с коровёнкой и уходила на работу. Бабушка отводила нас в детский сад и тоже шла работать.

Сад был организован ещё в 1934 году. Свою одежду с нас снимали, надевали на всех казенную. В детсаду нас кормили кашей, картошкой, иногда давали маслице, яички и противный рыбий жир. До сих пор помню запах печёного хлеба.

Мы все были подстрижены наголо, это помогало бороться со вшами. Многие из нас были рахитами, золотушными. Я помню, какое беспокойство доставляла мне моя голова, покрытая коростами, под которыми вши ходили ходуном. Я была готова от этого зуда голову себе оторвать. И какое было блаженство, когда мать отпарила все эти коросты, сдирала, несмотря на мои дикие вопли, мазала голову какой-то присланной в посёлок мазью. Помню, проспала после этого двое суток.

Игрушек не было. Мы мастерили из тряпиц кукол и играли в дочки-матери. Летом бегали собирать землянику на Масликову гору.

На всех членов семьи выдавался паек, хлеб, какие-то крупы. Картошку выращивали на общем поле.

Жили, как и все, на подножном корме. Собирали в лесу колбу, ели саранки и медунки. С нетерпением ждали, когда поспеет смородина, кислица, черёмуха, а там и брусника с клюквой. Всё это запасали на долгую зиму.

Мы были маленькие, - дополняет Валентина Семёновна, - но все равно помним, как в посёлок приходили похоронки.

Мы ещё не понимали, что это такое, но чувствовали, что это что-то страшное. Где-то далеко на войне люди убивали друг друга, и потом об этом сообщали родным! День Победы, 9 Мая 1945 года, помним. Всем посёлком собрались вместе около конторы. Мы, ребяташки, сновали среди взрослых, не понимали только, почему кто-то радостно обнимается и смеётся, а кто-то плачет. А потом маме отдали письмо, и та на наших глазах дико вскрикнула и повалилась, как подкошенная. Это была похоронка...

Женщины затихли. Они снова и снова восстанавливали в памяти этот день, несмотря на то, что прошло годы. Уносятся мыслями в то время, когда узнали, что стали сиротами.

- Вот она, эта повестка, - протягивает мне Раиса Семёновна копию извещения о смерти отца. Я вчитываюсь в короткие строчки, написанные красивым почерком. Внутренне содрогаюсь от их страшного значения, хотя сама уже перенесла немало потерь близких людей, и на глаза тоже наворачиваются слёзы.

«Гражданке Пичугиной Анне Григорьевне.

Извещение.

Ваш красноармеец Пичугин Семён Максимович в боях за социалистическую Родину, верный военной присяге, проявив геройство и мужество, был ранен и умер от ран 2 марта 1945 года. Похоронен с отданием воинских почестей в гор. Рига.

Райвоенком

старший лейтенант

Волобуев.»

- По ночам мама плакала, - тихо продолжает Валентина Семёновна. - Рядом начинала плакать Раиса. Моё сердечко разрывалось на части. Мне было так жалко их и себя. Я размазывала кулачком по щекам слёзы. Мама подходила к нам, тихо садилась рядом и, покачиваясь из стороны в

сторону, баюкала, слегка пошлёпывая по одеяльцу ладошкой. Мы успокаивались и засыпали.

В свободное время мама доставала большую наволочку, в которой хранились документы и письма, открытки с фронта. Мы устраивались рядом. Мама перечитывала их, гладила ладошкой, смахивала слёзы и... не верила, что муж не вернётся никогда.

- Он не погиб! Он вернётся, - убеждённо говорила она нам. - Он поможет нам построить дом. Он увидит, как выросли его доченьки. Он увидит, какой большой стала ты, Валюша.

Мне так мама говорила потому, что в письмах отец чаще спрашивал о старшей дочери Раисе. Мама ему даже как-то написала об этом.

Жили трудно. Родителям нашего отца была назначена пенсия по потере кормильца. Дед обратился в собес, чтобы её перечисляли нам. Те 115 рублей помогали выжить. Шли годы. Девочки учились в школе. Как и все ровесники летом работали в образовавшемся колхозе «18-й съезд партии». Пололи от осота поля с зерном, сажали и копали картошку, дёргали лён. Ближе к осени собирали стручки акации, сушили на печи, зёрнышки сдавали, как и клюкву, бруснику. На вырученные деньги мать собирала их в школу. В посёлок ещё дважды привозили ссыльных немцев, прибалтов. Всем жилось нелегко, но жили дружно. Раиса и Валентина выучились на продавцов. Обзавелись семьями. Остались работать в районе.

Прожито немало лет. 9 Мая сёстры обязательно спешат вместе с односельчанами к памятнику воинам-землякам. Подходят к стелам и около одной кладут цветы. Тихо переговариваются. Там фамилия их отца - Пичугина Семёна Максимовича, который навсегда остался молодым, и которого им не хватало всю жизнь!

Н.Голощапова

